

Г.-Й. ШЕДЛИХ

**ПРОЦЕССЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ВЫРАВНИВАНИЯ
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ФОНОЛОГИИ**

Современное состояние немецкого языка характеризуется процессом интеграции, сущность которого заключается в устранении диалектальных различий и — на более высоком уровне — различий в обиходно-разговорном языке (Umgangssprache). Под воздействием таких важных социальных факторов, как растущая индустриализация, современная система народного просвещения, массовые средства информации (радио, телевидение, пресса), происходит всеохватывающий процесс выравнивания, движущей силой которого является, в конечном счете, господствующий в обществе литературный язык ¹, т. е. форма проявления языка, представляющая собой, в ее письменном и устном вариантах, общеобязательную и единую норму.

В связи с этим германистика все чаще обращается в последнее время к проблемам социально обусловленной дифференциации языка. «Благодаря Г. Венкеру и Ж. Жильерону, создателям немецкого и французского лингвистического атласа, языкознание обрело в последней четверти прошлого века, в добавление к исторической глубине, еще и географическую широту. С тех пор прошло пять десятилетий, и сейчас настает пора расширить здание лингвистики в еще одном измерении: в ее поле зрения вступает вертикальная шкала социологической дифференциации. Предметом исследований становится противопоставленность диалекта и литературного языка, сложные взаимоотношения между ними и явлениями, занимающими промежуточное положение — обиходным языком, городскими полудиалектами, промежуточными (междиалектными) говорами, территориальным обиходным языком» ².

Изучение того промежуточного явления, которое принято называть обиходным языком, и его взаимоотношений с диалектами и с литературным языком, затруднено значительными расхождениями в терминологии, которые по сути дела являются отражением многообразия предпосылок употребления, форм и функций обиходного языка ³. В качестве отправной

¹ Термин «литературный язык» (Schriftsprache) служит нам «для обозначения единого наддиалектного литературного языка (Literatursprache), существующего как в устной, так и в письменной форме». Ср.: М. М. G u c h m a n n, Der Weg zur deutschen Nationalsprache, Тл., 1, Berlin, 1964, стр. 18.

² R. G r o ß e, C. J. H u t t e r e r, Hochsprache und Mundart in Gebieten mit fremdsprachigen Bevölkerungsteilen, Berlin, 1961, стр. 3.

³ Poleмику по этому вопросу, а также библиографические указания см., в частности, в следующих изданиях: W. H e n z e n, Schriftsprache und Mundarten, Bern, 1954; H. M o s e r, Umgangssprache. Überlegungen zu ihren Formen und ihrer Stellung im Sprachganzen, «Zeitschrift für Mundartforschung», 27, 1960; R. E. K e l l e r, German dialects. Phonology and morphology, Manchester, 1961; V. M. S h i r m u n s k i, Deutsche Mundartkunde, Berlin, 1962; H. R o s e n k r a n z, K. S p a n g e n b e r g, Sprachsoziologische Studien in Thüringen, Berlin, 1963; G. B e r g m a n n, Das Vorerzgebirgische Mundart und Umgangssprache im Industriegebiet um Karl-Marx-Stadt, Zwickau—Halle, 1965; R. E. K e l l e r, Some problems of German Umgangssprache, «Transactions of the philological Society. 1966 (1967)», стр. 87 и сл.; R. G r o ß e, Tradition und Innovation in der Umgangssprache der Großstadt, PBB, 89, 1967, стр. 440.

точки здесь можно принять определение верхнесаксонского обиходного языка, сформулированное представителями лейпцигской школы. Принадлежащая Т. Фрингсу характеристика верхнесаксонского обиходного языка как формы языка, промежуточной между литературным языком и диалектом⁴, получает следующее уточнение у Р. Гроссе: «С тех пор как литературный язык консолидировался и упрочился, с тех пор как он был кодифицирован в словарях Дудена и Зибса и тем самым обрел общезначимые нормы, с тех пор литературный язык оказывает обратное воздействие на диалекты». «Таким образом, ... по отношению к диалектам литературный язык находится в положении наступающего. Этот антагонизм между диалектом и литературным языком породил территориальный обиходный язык (*landschaftliche Umgangssprache*)⁵. «Итак, этот язык представляет собой нечто среднее между литературным языком и диалектом, он является территориально окрашенным обиходным языком»⁶.

Можно сказать, что термин «обиходный язык» используется преимущественно для обозначения формы речи, занимающей промежуточное положение между диалектом (говором) и стандартизованным (литературным) языком⁷. Многообразие и вариативность этой промежуточной формы определяется, по мнению Р. Э. Келлера, тремя факторами: а) географическим районом (*locality*), накладывающим свой отпечаток на диалектальную окраску результирующего промежуточного языкового образования, б) социальным положением говорящего, определяющим, в какой мере ему нужно приспособляться к нормам литературного языка, в) речевой ситуацией, побуждающей говорящего приспособляться к собеседнику⁸.

Представляется, что эту промежуточную форму языка можно рассматривать под углом зрения интерференции языков, межъязыковых контактов (*languages in contact*) в том смысле, который вкладывал в это понятие У. Вайнрайх⁹. Сам Вайнрайх считал, что в проблематику межъязыковых контактов входят взаимоотношения не только различных языков, но и различных диалектов одного и того же языка и даже вариантов одного и того же диалекта¹⁰. Такое определение понятия интерференции наталкивает на мысль пересмотреть под этим углом зрения также и взаимоотношения диалекта и литературного языка. Обиходный язык можно было бы при этом рассматривать как своего рода продукт интерференции. Проблематика и методика исследований в области интерференции языков во многом применима к изучению обиходного языка.

При изучении обиходного языка как явления, лежащего между диалектом и литературным языком, перед исследователем с самого начала стоит двоякая задача: лингвистическая и социологическая¹¹. Лингвистический анализ, который при исследовании немецкого обиходного языка

⁴ Th. Frings, *Sprache und Geschichte*, III, Halle, 1956, стр. 159.

⁵ R. Grosse, *Die obersächsischen Mundarten und die deutsche Schriftsprache*, в кн.: R. Grosse, C. J. Hutterer, *Hochsprache und Mundart in Gebieten mit fremdsprachigen Bevölkerungsteilen*, Berlin, 1961, стр. 31.

⁶ R. Grosse, *Die obersächsischen ...*, стр. 12.

⁷ Ср. также: R. Keller, *German dialects*, стр. 91.

⁸ Там же, стр. 92.

⁹ U. Weinreich, *Languages in contact. Findings and problems*, The Hague, 1963.

¹⁰ Там же, стр. 1, примеч. 9.

¹¹ О проблемах социолингвистики см.: D. Hymes, *The ethnography of speaking, «Anthropology and human behavior»*. Washington, 1962; U. Weinreich, указ. соч., примеч. 9; «Sociolinguistics. Proceedings of the UCLA sociolinguistics conference, 1964», The Hague — Paris, 1966; A. Capell, *Studies in sociolinguistics*, The Hague — London — Paris, 1966; W. Labov, *The social stratification of English in New York city*, Washington, 1966; «Explorations in sociolinguistics», The Hague, 1967; «Readings in sociology of language», The Hague, 1968; «Socio-linguistique», Paris, 1968.

неизбежно будет включать в себя явления территориальной дифференциации, желательного дополнять анализом социологической обусловленности рассматриваемых фактов. Если вспомнить, далее, что лингвистический анализ помимо синхронического аспекта должен учитывать также и аспект диахронический, то изучение обиходного языка — как и изучение диалектов — оказывается областью исследования, к которой применимы в разных сочетаниях «все три внешних измерения, релевантных для человеческого языка: время, пространство и социальный уровень»¹².

В настоящей работе мы ограничиваемся самой общей характеристикой внешних факторов и концентрируем внимание на лингвистическом анализе взаимоотношения диалекта, обиходного языка и литературного языка на примере Фогтланда (за вычетом его южной части, где говорят на северо-баварском), т. е. той части немецкой языковой территории, в которой языковая ситуация определяется в основном влиянием восточнофранкского диалекта. Таким образом, в настоящей статье представлена лишь одна сторона комплексной проблемы: лингвистическое описание процессов, обусловленных социологически¹³.

Задача лингвистического анализа, проводимого в фонологическом аспекте, состоит в том, чтобы исследовать фонологические системы различных форм языка и их взаимоотношения, т. е. черты их сходства и различия. При анализе дифференциации языка существенную роль играют процессы недостаточной и избыточной дифференциации (*Unter- und Überdifferenzierung*) фонем, которым в историческом плане соответствуют процессы дефонологизации и фонологизации.

Для нашего фонологического исследования взаимоотношений между диалектом, обиходным языком и литературным языком были выбраны шесть населенных пунктов¹⁴, относительно равномерно распределенные по названной выше языковой территории, в которых были произведены магнитофонные записи¹⁵. Основой для анализа послужили фонетические транскрипции, сделанные по этим записям. При определении результатов во всех случаях решающую роль играли условия записи, т. е. условия речевой ситуации. В основу записей были положены две различных языковых ситуации: 1) «диалектальная» (1960) в населенных пунктах 1—5, 2) «обиходно-разговорная» (1968) в населенных пунктах 1, 5 и 6.

Конкретные выводы сводятся к следующему: 1) Диалектальная речевая ситуация: а) у говорящих старшего и среднего поколения (различного социального положения и разного пола) в населенных пунктах 1—5 наблюдаются диалектальные формы речи D_1 — D_5 ; б) у говорящих младшего поколения (различного социального положения и разного пола) в населенных пунктах 3—5 наблюдаются обиходно-разговорные формы речи O_1 — O_5 ¹⁶; 2) Обиходно-разговорная речевая ситуация: у говорящих разных поколений (различного социального положения и разного пола) в населенных пунктах 1, 5 и 6 отмечаются обиходные формы речи O_1 , O_5 и O_6 .

¹² W. G. Moulton, *Structural dialectology*, «Language», 44, 1968, стр. 460—461.

¹³ Подробное изложение результатов исследования будет опубликовано в «Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse, Berlin.

¹⁴ 1 — Цвота, 2 — Фошенрода, 3 — Штейндорф, 4 — Бобеннойкирхен, 5 — Фалькенштейн, 6 — Плауен.

¹⁵ Ср.: Н.-J. Schädlich, R. Große, *Tonbandaufnahme der deutschen Mundarten in der Deutschen Demokratischen Republik*, «Forschungen und Fortschritte», 35, 1961; Н.-J. Schädlich, H. Eras, *Deutsche Dialektologie und moderne Tonaufnahmetechnik*, «Spektrum, Mitteilungsblatt für die Mitarbeiter der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin», 10, 1964.

¹⁶ Младшее поколение в населенном пункте 1 не учтено, а в населенном пункте 2 учтено недостаточно полно.

Объектом нашего анализа являются речевые репрезентации отдельных дикторов (определяемые, в основном, речевой ситуацией) как различным образом организованные речевые произведения (*sprachliche Corpora*). Эти речевые произведения репрезентируют зависящие от ситуации возможности отдельно взятого говорящего, который, как правило, «компетентен» не в одной, а в нескольких формах языка. В нашем анализе мы исходим из предположения, что представленная в записи форма речи диктора репрезентирует не только сама себя, но может быть воспроизведена — в схожей или идентичной форме — тем же самым диктором или другими дикторами и что, далее, зафиксированная в записи репрезентация позволяет учесть существенные черты лежащей в ее основе фонологической системы.

В нашем фонологическом исследовании языковой дифференциации комбинируются между собой фонологический, этимологический и фонетический аспекты. Фонологические системы и этимологическое распределение фонем представляют собой, с одной стороны, наиболее замкнутые, с другой стороны, максимально дифференцированные участки языковой действительности; поэтому с их помощью особенно удобно производить лингвистическое отождествление и выделение отдельных форм и вариантов национального языка. В нашем исследовании мы ставим себе целью осветить вопрос о том, какие специфические фонологические явления имеют место в процессе унификации, выравнивания между диалектом, обиходной речью и литературным языком; основной проблемой является структура обиходно-разговорных фонологических систем и их взаимоотношения с соответствующими системами диалекта и литературного языка, причем в рамках настоящей статьи мы ограничимся только вокализмом, точнее — гласными под ударением.

Уже в 1931 г. Н. С. Трубецкой назвал три вида звуковых различий между диалектами: «Они могут относиться к фонологической системе или к фонетической реализации отдельных фонем или же к этимологическому распределению фонем в словах. В соответствии с этим мы говорим о фонологических, фонетических и этимологических различиях между диалектами»¹⁷. На этом различии построены в конечном счете все исследования по диалектологии, проведенные в рамках («таксономической») теории фонем. Р. Э. Келлер и В. Г. Мултон также указывают в качестве критериев для описания различий между диалектами фонологическую систему (*phonemic inventory* и *phonemic pattern*), этимологическое распределение фонем в определенных классах лексических единиц (*phonemic incidence*) и фонетическую реализацию¹⁸.

Но эти критерии, пригодные для описания территориальной («горизонтальной») дифференциации языка, можно непосредственно применить также и к описанию социологически обусловленной «вертикальной» дифференциации языка. Если при этом временно отвлечься от фонетической реализации, то это означает следующее: подобно тому, как две точки на горизонтальной оси (системы разных диалектов) могут быть описаны с помощью фонологических и этимологических различий между ними, можно описать — привлекая критерий фонологических и этимологических различий — и две точки на вертикальной оси (системы различных синхронно существующих форм или вариантов языка).

¹⁷ N. S. Trubetzkoy, *Phonologie und Sprachgeographie*, TCLP, 4, 1931, стр. 228.

¹⁸ R. E. Keller, *Some problems...*, стр. 95—96; W. G. Moulton, *The mapping of phonemic systems*, «Verhandlungen des Zweiten Internationalen Dialektologenkongresses», Wiesbaden, 1967—1968.

Наконец, эти же критерии пригодны и для описания двух точек на о с и в р е м е н и (системы различных исторических ступеней развития). Ведь явления, связанные с историческими изменениями на временной оси, как, например, типы фонологических изменений (phonemic change у В. Г. Мулттона¹⁹), находят себе аналогии в современных процессах унификации на вертикальной оси. Разумеется, при этом нельзя упускать из виду, что «этимологические» различия между отдельными вариантами (Stufen) обиходного языка представляют собой не разные линии развития, а результаты социологически обусловленного выбора. Таким образом, с помощью фонологических, этимологических и фонетических различий можно учитывать как исторический, так и территориальный и социологический (вертикальный) аспект. Описание вертикальной дифференциации строится аналогично описанию дифференциации горизонтальной и хронологической.

Анализ речевых репрезентаций отдельных дикторов в шести обследованных населенных пунктах выявил три различных диалектальных фонологических системы гласных. Д₁ обладает наиболее простой системой с шестью долгими и шестью краткими монофтонгами и с двумя дифтонгами.

Д₁: /i:/ /u:/ /i/ /u/
 /e:/ /o:/ /e/ /o/
 /ɛ:/ /a:/ /ɛ/ /a/
 /a:/ /a/
 /ae/ /ao/

Две других системы совпадают с Д₁ по монофтонгам, но отличаются своими дифтонгами. В Д₂ и Д₃ имеются еще дифтонги /iə/ и /uə/, которых нет в Д₁. Д₄ и Д₅ располагают еще двумя дифтонгами /eə/ и /oə/, а в общей сложности — шестью дифтонгами; Д₂ и Д₃: /ae/, /ao/, /iə/, /uə/; Д₄ и Д₅: /ae/, /ao/, /iə/, /uə/, /eə/, /oə/. Таким образом, в области вокализма дифтонги представляют собой фонологический дистинктивный признак обследованных диалектов.

Наряду с диалектальными фонологическими системами анализ записей отдельных дикторов в шести обследованных населенных пунктах выявил пять различных обиходно-разговорных фонологических систем гласных. О₁ и О₃²⁰ имеют по шесть долгих и по пять кратких монофтонгов и по три дифтонга.

О₁, О₃: /i:/ /u:/ /i/ /u/
 /e:/ /o:/ /ɛ/ /o/
 /ɛ:/ /a:/ /a/
 /ae/ /oö/ /ao/

В О₄ имеется семь долгих и семь кратких монофтонгов и два дифтонга.

О₄: /i:/ /u:/ /i/ /u/
 /e:/ /o:/ /e/ /o/
 /ɛ:/ /a:/ /ɛ/ /a/
 /a:/ /a/
 /ae/ /ao/

В населенном пункте 5 наряду с диалектальной системой гласных были обнаружены три различных обиходно-разговорных системы гласных О_{5а},

¹⁹ W. G. M o u l t o n, Types of phonemic change, «To honor Roman Jakobson», The Hague — Paris, 1967, стр. 1393.

²⁰ В населенном пункте 2 обиходно-разговорной системы не обнаружено.

О_{5б} и О_{5в}. В О_{5а} имеется семь долгих и семь кратких монофтонгов и четыре дифтонга.

О _{5а} :	/i:/	/u:/	/i/	/u/
	/e:/	/o:/	/e/	/o/
	/ɛ:/	/a:/	/ɛ/	/a/
		/a:/		/a/
		/iø/	/uə/	
		/ae/	/ao/	

О_{5б} располагает шестью долгими и шестью краткими монофтонгами и тремя дифтонгами.

О _{5б} :	/i:/	/u:/	/i/	/u/
	/e:/	/o:/	/e/	/o/
	/ɛ/	/a:/	/ɛ/	/a/
		/ae/	/oö/	/ao/

В О_{5в} и в О₆ имеется восемь долгих и семь кратких монофтонгов и три дифтонга.

О _{5в} , О ₆ :	/i:/	/u:/	/ü:/	/i/	/ü/	/u/
	/e:/	/ö/	/o:/	/ɛ/	/ö/	/o/
	/ɛ:/	/a:/			/a/	
		/ae/	/oö/	/ao/		

Приведенные в нашем обзоре диалектальные и обиходно-разговорные системы гласных представляют собой пока что всего лишь фонологический инвентарь. В заключение обзора приведем для сравнения систему гласных литературного языка.

Л:	/i:/	/ü:/	/u:/	/i/	/ü/	/u/
	/e:/	/ö:/	/o:/	/ɛ/	/ö/	/o/
	/ɛ:/	/a:/			/a/	
		/ae/	/oö/	/ao/		

Из сопоставления видно, что обиходно-разговорные системы гласных О_{5в} и О₆ идентичны по своему фонологическому инвентарю системе гласных литературного языка Л. Однако по этимологическому распределению и по фонетической реализации фонем они этой системе отнюдь не идентичны. Поэтому адекватную картину исследуемых фонологических систем и их взаимоотношений мы получим лишь в том случае, если учтем еще и этимологическое распределение и фонетическую реализацию фонем.

После того как определены фонологические системы (инвентарь), анализ этимологического распределения фонем во всех рассмотренных системах гласных (в диалекте, в обиходном языке и в литературном языке) дает возможность выявить минимальный общий инвентарь фонологически и этимологически совпадающих гласных и представить отдельные конкретные системы как фонологические и этимологические расширения этого абстрактного основного инвентаря. Приняв некоторую совокупность фонологических и этимологических совпадений за абстрактный основной инвентарь, исследователь получает — как на уровне диалекта, так и на уровне унифицированной формы речи — базу для выбора конкретной отдельной системы путем расширения общего абстрактного инвентаря.

Объединение совпадающих и различающихся элементов нескольких различных систем в одну иерархически вышестоящую систему ведет к построению «диасистемы», идею которой впервые сформулировал У. Вайнрайх²¹. В нашем исследовании мы объединяем в абстрактный основной

²¹ U. W e i n r e i c h, Is a structural dialectology possible?, «Word», 10, 1954. В связи с концепцией диасистемы см.: E. P u l g r a m, Structural comparison, diastems and dialectology, «Linguistics», 4, 1964, и др.

инвентарь только совпадающие элементы разных систем, т. е. общий для них минимум признаков, а элементы различающиеся выделяем как расширение этого основного инвентаря.

Сведение всех рассмотренных систем гласных (в диалектах, в обиходном языке, в литературном языке) с их этимологическими распределениями фонем к тем свойствам, которые являются общими для всех систем, приводит к выделению следующего абстрактного основного инвентаря фонологических и этимологических совпадений.

Основной инвентарь:

/i:/	/u:/	/i/	/u/
/e:/	/o:/		/o/
/ɛ:/	/a:/	/ɛ/	/a/
	/ae/	/ao/	

По отдельным фонемам имеются следующие этимологические совпадения между всеми системами (диалекты: \bar{D}_1 — \bar{D}_5 ; обиходный язык: O_1 , O_3 — O_6 ; литературный язык: L):

Долгие монофтонги и дифтонги

/i:/	ср.-в.-нем. <i>ie, i</i>	(<i>wie; liegen</i>)
/e:/	ср.-в.-нем. <i>e, æ, e</i>	(<i>ehe; drehen; Rede, legen</i>)
/ɛ:/	ср.-в.-нем. <i>æ</i>	(<i>Nähe</i>)
/u:/	ср.-в.-нем. <i>uo, u</i>	(<i>Bruder; Zug, Stube</i>)
/o:/	ср.-в.-нем. <i>ō, o</i>	(<i>Schloße; oder</i>)
/a:/	(этимологических совпадений между всеми системами нет)	
/ae/	ср.-в.-нем. <i>ǣ</i>	(<i>mein</i>)
/ao/	ср.-в.-нем. <i>ū</i>	(<i>Bauer</i>)

Краткие монофтонги

/i/	ср.-в.-нем. <i>ie, i</i>	(<i>Licht; schicken</i>)
/ɛ/	ср.-в.-нем. <i>æ, e</i>	(<i>Rettig; wenn</i>)
/u/	ср.-в.-нем. <i>uo, u</i>	(<i>Mutter; Butter</i>)
/o/	ср.-в.-нем. <i>ō, o</i>	(<i>Hochzeit; Ochse</i>)
/a/	ср.-в.-нем. <i>ā, a</i>	(<i>gedacht; Nacht</i>)

Не имея возможности рассмотреть подробнее в рамках настоящей статьи этимологическое распределение фонем (совпадения + различия) в отдельных диалектальных и обиходно-разговорных системах, мы можем только констатировать следующее относительно фонологической структуры конкретных обиходно-разговорных систем: абстрактный основной инвентарь расширяется в конкретную обиходно-разговорную систему, во-первых, за счет включения чисто диалектальных фонем /iə/, /uə/, /a:/, /a/, /e/, во-вторых, за счет включения фонем, свойственных исключительно литературному языку /ü:/, /ö:/, /ü/, /ö/, /oö/. Это означает, что варьирование конкретных обиходно-разговорных систем по сравнению с общим для всех них абстрактным основным инвентарем происходит путем расширения последнего за счет включения в него диалектальных элементов и/или элементов литературного языка.

В процессе унификации решающее значение имеют три конкретных фонологических явления. Первое заключается в том, что в нелитературных системах происходит замена фонем, не приводящая, однако, к каким-либо фонологическим изменениям самой системы. Так, диалектальное /ö/ в словах типа *Tag* и т. п. заменяется обиходно-разговорным /a:/ (оба гласных < ср.-в.-нем. /a/), т. е. $\bar{D}_1 \rightarrow O_1$. И тот, и другой гласные входят в диалектальную и в обиходно-разговорную систему и сохраняются в других словах.

Характеристику этого процесса мы находим уже у Р. Гросе, который назвал его «растворением» (*Auflösung*)²². Р. Э. Келлер называет его заменой фонем и определяет как «замещение исторически исконной фонемы другой, близкой по звучанию к фонеме доминирующей формы языка (литературный язык, обиходный язык), выступающий как источник заимствований (*Gebersprachschicht*)²³. И. Рейффенштейн охарактеризовал этот процесс как «подмены в пределах системы»²⁴.

Необходимо внести следующие уточнения, касающиеся процесса замены фонем. Названная выше разновидность замены фонем всегда имеет место в пределах абстрактного основного инвентаря, общего для всех систем. Она покоится на этимологических контрастах между диалектами, с одной стороны, и обиходным и литературным языком — с другой, в рамках общего для них состава фонем. Эта разновидность замены фонем никогда не приводит к фонологическому изменению какой-либо конкретной системы. Так, например, неодинаковое удлинение средневерхненемецких кратких гласных в закрытом слоге унифицируется по образцу литературного языка: диалектальное /i:/ в словах типа *Schnitt* и т. п. заменяется обиходно-разговорным /i/. Такая замена всегда представляет собой замену частичную, т. е. фонема /i:/ при этом сохраняется. Перспективой этой формы замены фонем является лишь устранение этимологических различий, существующих между отдельными формами языка в пределах общего для них фонологического инвентаря, выравнивание этих различий по нормам этимологического распределения, свойственным литературному языку. Это — чисто этимологическая подмена в пределах фонологического инвентаря, общего для всех систем, и за счет этой подмены в ходе унификации поэтапно устраняются этимологические различия между диалектами и литературным языком.

Совершенно иначе обстоит дело со второй разновидностью замены фонем, которая представляет собой в т о р о е важное явление в процессе унификации. Это явление затрагивает фонемы, принадлежащие к конкретной системе нелитературного языка, но не входящие в систему фонем литературного языка, например, диалектальные фонемы /iə/ < ср.-в.-нем. /ê/ и /uə/ < ср.-в.-нем. /ô/, которые заменяются в обиходном языке фонемами /e:/ в словах типа *Schnee* и т. п. и, соответственно, /o:/ в словах типа *groß* и т. п., т. е. $D_5 \rightarrow O_{5a}; O_{5b}; O_{5в}$. В этом случае поначалу также имеет место лишь частичная замена; однако такая частичная замена знаменует подготовку к изменению конкретной фонологической системы. Ведь как только /iə/ и /uə/ окажутся замененными во всех словах фонемами, которые этимологически соответствуют им в иерархически вышестоящей форме языка, произойдет и изменение фонологической системы. В этом случае частичная замена фонем, т. е. частичная этимологическая дифференциация внутри системы, представляет собой начало процесса, который завершается полной этимологической, а тем самым и полной фонологической дифференциацией: в результирующей системе уже не будет фонем /iə/ и /uə/. Эта разновидность замены фонем затрагивает как раз все те фонемы, за счет которых диалекты отличаются от литературного языка, в данном случае — фонемы /iə/, /uə/, /eə/, /oä/, /a:/, /a/ и /e/. Если в той или иной системе на определенной ступени унификации еще имеется

²² R. G r o ß e, *Die Meißnische Sprachlandschaft*, Halle, 1955, стр. 47.

²³ R. E. K e l l e r, *Der Umwandlungsprozeß eines mundartlichen Lautsystems*, «Verhandlungen des Zweiten Internationalen Dialektologenkongresses», Wiesbaden, 1967—1968, стр. 448.

²⁴ I. R e i f f e n s t e i n, *Zur phonologischen Struktur der Umgangssprache*, «Verhandlungen des Zweiten Internationalen Dialektologenkongresses», Wiesbaden, 1967—1968, стр. 694.

какая-либо фонема или несколько фонем вышеназванного ряда, то внутри этой системы начинается «подготовительная» частичная замена, идущая в направлении к ближайшей вышестоящей ступени, и этот процесс продолжается до тех пор, пока за счет полной замены не будет достигнуто состояние, характерное для системы этой ступени.

Для понимания сущности процесса унификации очень важно различать эти две разновидности замены фонем. Первая разновидность всегда охватывает лишь известную часть слов с какой-то определенной фонемой, для второй это ограничение представляет собой временное явление. Вторая разновидность замены фонем подготавливает изменение фонологической системы, которое можно считать свершившимся в тот момент, когда замена той или иной фонемы другой проведена во всех словах с данной фонемой.

Третье важное явление в процессе унификации заключается в том, что фонологическая система заимствует новые элементы из фонологической системы иерархически вышестоящей формы (ступени) национального языка. Сюда относится включение лабиализованных гласных из литературного языка в обиходно-разговорные системы /u:/, /o:/, /ù/, /ö/, /oö/. Анализ обиходно-разговорных систем показал, что на первых порах эти лабиализованные гласные входят в систему на правах фонетических вариантов в соответствующих нелабиализованных гласных. Так, обиходно-разговорная система $O_{5б}$ содержит передние нелабиализованные гласные /i:/, /e:/, /i/, /e/. У всех этих фонем наблюдается в известных случаях факультативное варьирование между нелабиализованными и лабиализованными реализациями. В обиходно-разговорной системе $O_{5в}$ лабиализованные передние гласные фонологизированы в самостоятельные фонемы, противостоящие нелабиализованному передним гласным. Фонема /oö/ фонологизировалась уже в $O_{5б}$.

Три рассмотренных выше процесса можно вкратце охарактеризовать следующим образом.

1. Замена фонем в пределах основного инвентаря, общего для всех систем, без изменения фонологической системы; изменяется лишь этимологическое распределение фонем.

2. Замена фонем как форма перехода к изменению фонологической системы; частичная подмена фонемами, имеющимися в соответствующей системе, с перспективой полной замены, т. е. элиминирования заменяемых фонем; результатом полной замены является устранение диалектальных фонем и тем самым сужение системы. Мы имеем здесь дело с явлением, аналогичным историческому совпадению фонем (англ. merger).

3. Включение новых элементов из иерархически вышестоящей системы, которые вступают с соответствующими фонемами данной системы в отношении фонетического варьирования; результатом фонологизации фонетических вариантов является расширение системы (за счет включения фонем из вышестоящей формы языка). Это явление представляет собой аналогию к историческому расщеплению фонем (англ. split).

При попытке представить конкретные обиходно-разговорные системы как результат расширения условно принятого абстрактного основного инвентаря возникает вопрос о том, какова доля участия диалектальных фонем и фонем литературного языка в фонологическом расширении основного инвентаря. С этой точки зрения в обиходно-разговорных системах можно выделить четыре ступени:

1. Основной инвентарь расширяется за счет минимум одной диалектальной фонемы (в нашем случае их несколько). O_4 : /a:/ < ср.-в.-нем. *ei*, *öu*, *ou*; /a/ < ср.-в.-нем. *ei*, *ou*, *î*, *iu*, *û*, *e*, *ë*; /e/ < ср.-в.-нем. *ê*, *æ* *i*, *ï*, *e*, *ö*, *ë*; $O_{5а}$: /iə/ < ср.-в.-нем. *ê*, *æ*, *e*, *ö*, *ë*; /uə/ < ср.-в.-нем. *ô*, *o*; /a:/, /a/

/e/ — как в O_4 . По сравнению с диалектальными системами D_4 и D_5 обиходно-разговорные системы O_4 и O_{5a} представляет собой р е д у ц и р о в а н н ы е д и а л е к т а л ь н ы е с и с т е м ы (системы с частичным изъятием).

2. Основной инвентарь расширяется за счет минимум одной диалектальной фонемы и одной фонемы литературного языка. O_{5b} : /e/ < ср.-в.-нем. *ê, æ, i, ÿ, e, ö, ë* /oö/ < ср.-в.-нем. *iu, öu*. По сравнению с диалектальной системой D_5 и с литературным языком Л эта обиходно-разговорная система представляет собой с м е ш а н н у ю с и с т е м у (с минимум одним элементом, свойственным только диалекту, и одним элементом литературного языка «в чистом виде»).

3. Основной инвентарь расширяется за счет минимум одной фонемы литературного языка. O_1 и O_3 : /oö/ < ср.-в.-нем. *iu, öu*. Эти системы уже не содержат ни одного элемента, который был бы свойствен только диалекту. По сравнению с системой литературного языка Л эти обиходно-разговорные системы представляют собой р е д у ц и р о в а н н ы е с и с т е м ы л и т е р а т у р н о г о я з ы к а (системы с частичным восполнением).

4. Основной инвентарь расширяется за счет всех отсутствующих в нем фонем литературного языка (и только за счет этих фонем). При этом остаются в силе этимологические и фонетические признаки отличия от литературного языка. O_{5b} и O_6 : /ü:/ < ср.-в.-нем. *üe, ü*; /ö:/ < ср.-в.-нем. *æ, ó, /ü/* < ср.-в.-нем. *üe, ü*; /ö/ < ср.-в.-нем. *o*; /oö/ < ср.-в.-нем. *iu, öu*. В фонологическом (но не в этимологическом и не в фонетическом!) отношении эти обиходно-разговорные системы представляют собой с и с т е м ы л и т е р а т у р н о г о я з ы к а.

Таким образом, в зависимости от доли участия диалектальных фонем и фонем литературного языка (и только за счет этих фонем) можно установить различные степени «близости к диалекту» и, наоборот, «близости к литературному языку» для обиходно-разговорных систем. Ближе всего к диалекту стоят O_4 и O_{5a} ; среднее положение занимает O_{5b} , ближе к литературному языку стоят O_1 и O_3 ; максимально близкими к литературному языку оказываются O_{5b} и O_6 .

Наличие различных недиалектальных («нелитературных») систем гласных в пределах одного населенного пункта (O_{5a} — O_{5b}) говорит о том, что внутри обиходного языка имеются градации. Между диалектом и литературным языком намечается переходная область в виде обиходного языка, который предстает как ряд ступеней, относительно стабильных в фонологическом отношении. Тем самым в многообразии обиходного языка обнаруживается явная системность. Изменения обиходно-разговорных фонологических систем (их сужение и расширение), аналогичные историческому развитию фонологических систем (совпадение и расщепление фонем), указывают на тесную связь между синхроническими и диахроническими процессами и подчеркивают динамический характер синхронного плана. В то же время эти изменения наталкивают на мысль о том, что аналогичные социологически обусловленные процессы могли иметь место и на более ранних ступенях развития.